

С 85
Р 35,856

С. СТРИБОЖИЧ

ЛЮБОВЬ
И
СМЕРТЬ

В О Л О Г Д А
1 9 2 7

СЕРГЕЙ СТРИБОЖИЧ

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

СТИХИ

ВОЛОГДА
1927

35856

Типография Акц. Об-ва
„Северный Печатник“,
Вологда, Главлит № 78456.
Тираж 500 экземпляров.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Последние вздохи
Любви уходящей
И смерти!

На пороге нового быта,
Который я воспою
Значительно позже.

Пока не исчезнут из мира
Смерть и любовь, мы, оставшись
Рабами страха и страсти,
Не построим прекрасного будущего.

Саклтвада, кн. V.

Все горит, все горит. Голубые снега.
Сизый дым по поднебесью вьется.
И размыта душа, и печаль дорога,
Молодое назад не вернется.

Мы достигли вершин, победили мы смерть,
Передышек унылых не знаем.
Улыбается в дымке суровая твердь,
Небо светит полуденным маем.

Но угас великан от полуночных стран.
Победить мы печали не можем.
Замирает в тиши светом облитый стан.
А лицо холоднее и строже.

Ну, так что же, любовь? Захоти, захоти!
Повстречаться с любимым в могиле!
Одинокое летя на далеком пути, —
Кличет ворон звончей и унылей.

Я вернулся домой пред рассветом.
Умерла молодая луна.
Сторожило бездождное лето
Оголенные рамы окна.

Мы измучились счастьем до боли,
И в последний карающий миг,
Обезумевши, сердце могло ли
Повторить неожиданный крик?

А потом опустело. Как в башне.
Гулким молотом стукнуло в грудь.
В мутном взоре подруги вчерашней
Отразился страдания путь.

Я вернулся домой пред рассветом,
Я забыл сумасшедшую ночь.
Это было удушливым летом,
И Лилит завещала мне дочь.

Забытый ране, забытый прежде,
Я одинок, я не у дел.
Какой мучительный удел —
Все время отдавать надежде!

Душа стареет, с годами глохнет
Любови золотистый мак.
Блестящий лопается лак,
И дерево от стужи сохнет.

Пылает вера в былые грозы.
О, жало юности слепой!
И злою кажутся судьбой
Грядущей осени угрозы.

Во тьме прислушиваюсь я
К шуршанью сонному постели,
Устало думаю без цели,
А жизни мечется струя.

Случайно виделся в драме;
Полузакрыв свои глаза,
Она сидела, словно в раме,
И чаровала бирюза.

Полудни летние лучисты,
Звенел любовный птиц хорал,
И в зеленях дубровы мгlistой
Груды и губ горел коралл.

Во гробе узком молчалива...
Покоя я в тоске не знал,
И в память врезан сиротливый
Чела потухшего опал.

Во тьме прислушиваюсь я
К шептанью тишины хрустальной.
Тебя я вижу, друг печальный,
А жизни мечется струя:

Влюбленный в высокие сосны,
Я книгу читал бытия.
И были заутрени росны,
Зеленые иглы поя.

И лепет любовный вершинок
В прилеске лиловом бежал.
Весны целомудренный инок,
И я воскресения ждал.

На солнечном ярком пригорке
Любовный бежит хоровод.
А мне, одинокому, горько,
Глядящему в сумерки вод.

В березах алеется платье,
Расцвел золотистый цветок.
Так вот куда, милые братья,
Мой жребий мучительный влек.

Весна окутала туманом
Ряды зеленых озимей.
Поутру выйди раным-рано
И влагу солнечную пей.

И сердце в мгле, и сердцу томно,
Как колокол, гудит оно.
На вербах распушилось скромно
Грядущей младости зерно.

Вино любовное разлито.
О, смертный, берегись испить!
Дурманы мук, уже забытых,
Остерегайся разбудить.

Объятый пламенем коварным,
Тот, в купине, неопалим.
И долго стелется, как дым,
Туман над остовом амбарным.

В чужих пределах мысль моя,
Как дева в лесе, заблудилась,
И трепетно душа забилась
В железной сетке бытия.

В дали туманной солнце видно,
Яснеют гордые лучи.
Во тьме и плакать не обидно,
При свете горестно молчи.

Кончает смерть могилы хладом
Припамятные токи дней.
Но кажет с солнечностью рядом
Лазурь глубокая ясней.

Весна окутала туманом
Ряды зеленых озимей.
Поутру выйди раным-рано
И влагу солнечную пей.

И сердце в мгле, и сердцу томно,
Как колокол, гудит оно.
На вербах распушилось скромно
Грядущей младости зерно.

Вино любовное разлито.
О, смертный, берегись испить!
Дурманы мук, уже забытых,
Остерегайся разбудить.

Объятый пламенем коварным,
Тот, в купине, неопалим.
И долго стелется, как дым,
Туман над остовом амбарным.

В чужих пределах мысль моя,
Как дева в лесе, заблудилась,
И трепетно душа забилась
В железной сетке бытия.

В дали туманной солнце видно,
Яснеют гордые лучи.
Во тьме и плакать не обидно,
При свете горестно молчи.

Кончает смерть могилы хладом
Припамятные токи дней.
Но кажет с солнечностью рядом
Лазурь глубокая ясней.

Я все боюсь. И сам чего — не знаю!
Любовь-тоска, как дымка, уплывет.
А под окном прозрачно, бодро тает
Изрезанный капелью теплой лед.

Ты умирала с трепетной улыбкой,
И капли крови стыли на губах;
В предсмертной тишине, таинственной и зыбкой,
Ютяся по углам, гнездилися темный страх.

Уж отзвучала жизнь, богатая когда-то.
Ссугулен стан, а кожа, как лимон.
Но снова в полуме весеннего заката
Горит костром знакомых сосен склон

Умрет рефлекс. Струя холодной крови
Смердящим стынет аловым желе,
И западут глаза, и выгорбятся брови,
И тело вытянут на сомкнутом столе.

Ты пришла и ушла, не любя.
Зеленеет щетиною рожь.
Укачает вечер тебя.
На холодном рассвете умрешь.

Для чего же ты мучила долго меня?
На безбрежных просторах земли,
При сиянии скучного дня
Орхидей любви отцвели.

Серебристою цепью парчи обведу
Одинокую в темном гробу,
И в гудящем пчелами вишневом саду
Схороню я земную рабу.

Угрюмый отзвучал звонок,
И глухо голос в телефоне
Незабываемо изрек:
За жизнью — смерть. Она — в погоне.

Так глухо, неизбежно глупо.
Пружина развернулась вдруг,
И принимает черный рупор
Души надорванной испуг.

Ребенка светло ожидая,
Мечтала молодая мать
На розоватых гранях мая
Руками нежными ласкать.

Но вторглись сумрачные Парки,
Витую оборвали нить...
Нет, сердцу боли не изжить.
Так смерти поцелуй жарки!

Тускнеет свет. В молочном паре
Тела, как янтари.
Лоза стегается все ярей,
Спина горит.

Змеится бедер белых очертанье.
Адама грешные сыны.
Не утолит моих мечтаний
Пурпуровость спины.

Лимонный бархат под рукою,
Чуть влажный, смят.
Мои зрачки обеспокоил
Звериный взгляд.

Ей шла пятнадцатая осень,
В лугах она гуляла;
Сквозь облака глядела просинь,
Осы тупилось жало.

Томима смутною тоской,
Под елью задремала,
На верес опершись рукой,
Его поцеловала.

Проснувшись, в ужасе, она—
Увы, увы, пропала!
Прикосновением полна,
Женой я чьей-то стала!

Но так невинен был тот грех,
Сумеречный под елью.
Что расплескался белый смех
Над девичьей постелью.

Кудрявых лугов уходящие дали.
На сцене актеры тревожно играли.
Весны алокудрой змеилась улыбка.
Стонала тоскливо усталая скрипка.
Кровавою каплей Венера сияла.

Беззвучно немая невеста рыдала.
За лесом пылал золотистый пожар.
Жених был уродлив и стар.
И в сумраке синем мистической ночи
Угасли навеки печальные очи.

Поводами я любовными сплетен
Из девичьих дум, сердечных веретен.
Обуздала белоснежная рука.
Мне казалась ноша милая легка.

Полыхала небом вешняя гроза,
Близки были чьи-то серые глаза.
Под застрехою остались за углом,
И не страшен был весенний первый гром.

Поженились, обжились. Пришла тоска.
Стала речь ее нескладная резка,
И из каждого сердечного угла
Выползала перемывчивая мгла.

На душе тяжело-вещий камень лег.
Ах, зачем я от поводьев не убер!

Я тебя тревожно жду,
Приходи, любимая!
Словно чувствует беду
Кровь неукротимая.

Бьет в виски. Холодный пот.
Сердце разрывает.
Слышу топот у ворот.
Чу! Собака лает.

Глухо стукнет ручкой дверь.
Слово с губ срывается.
Мы одни с тобой теперь!
Вечер дожидается.

Очи черные окна
Брызжет дождь удойливый.
Разомлела тишина.
Писк мышей назойливый.

Чу! Удар. Чу! Скрип дверей.
Занавесь откинулась...
Черный вечер в сентябре.
Все прошло! Все минлось!

Весной становится мне грустно!
Слепит обилие снегов.
Пост лицемерит мясопустный,
И ноет медь колоколов.

У молодежи кровь играет.
Токует сердце по ночам,
А старым осень кажется раем,
Лишь умолкает птичий гам.

Да. Утешенье напоследок—
Не мною кончится земля.
Когда стареет леса предок,
Пила хохочет у козля.

Упал старик среди дубравы,
Слезами залит желтый пенек.
И солнце брызнуло на травы,
Где хладная таилась тень.

Опустится солнце спросонья
В широкие чресла земли.
Стогов почернели одонья,
Плывут облака — корабли.

Стучится ставнями окошко,
И оловом каплет апрель.
И жмурится рыжая кошка,
Вдыхая весеннюю прель.

Прищуря лукавые глазки,
Овал обернула лица.
Играют всей радуги краски
В мехах голубого песка.

Мне кажется все это обманом—
Во время чумы будто бал.
И чую за серым туманом
Я осени мертвый оскал.

Летит острокрыльчатый ветер
И птицею бьется в окно.
Березы в сумеречном свете
Заснули. В беседке темно.

Пустынна нагая скамейка.
Оскалили лики пруды.
Ненужная брошена лейка
У самой сонной воды.

Уж пеплом подернулся запад,
Роса остудила песок,
И спряталась облака лапа
За поле и дальний лесок.

Скользнуло вдруг серою тенью,
Скамейки отпал уголок.
Уймися, о сердце! Терпенье!
Не стукни, коварный порог.

Неслышно шагая балконом,
Ныряю в таинственный сад.
Горит поцелуем влюбленным
На куполе церкви закат.

Кипит таинственный фиал,
В нем голубеет нежно пенка.
И смертный мчится, и упал,—
Незримая убила стенка.

Но остальным то не урок, —
К фиалу мчат, пленяясь ложью.
Жестоко-дланный смертный рок
Обильем стелет у подножья.

Открыты нам дары любви,
И, алчбу тела утоляя,
Лети стремглав, препоны рви,
Мозги и сердце оголяя.

Хоть лет красив, но смертен он.
Судьба наверняка играет.
И скуку пышных похорон
Мы ощущаем, умирая.

Приходит день. Вися, весенние туманы
Пахнут в лицо и взбаломутят кровь.
И жаждешь улететь в заоблачные страны,
И все-таки к земле ворочаешься вновь.

А дева, юностью блистая в узкой келье,
Чуть слышным вздохом воздымает грудь,
И сердце полыхнет в безудержном весельи.
Исходу страсти ночь указывает путь.

И первый поделуй лишь отзвучит неловкий,
Чтоб без конца, уверясь, повторять,
И чуют издали, когда, нахмутив бровки,
Сигнал дает в опушке рожи ждать.

Тогда вперед бумага и чернила—
Перо выводит „Милая Людмила“,
И в строчки четкие, насыщенные кровью,
Таинственно включу, что движется любовью.

Небо отведало алости.
Грустно почила мгла.
Сжалось сердце от жалости,
И борозда залегла.

Узкой тропой вереницами,
О, озаренная мать!
За Гамаюнами птицами
Люди идут умирать.

Яма чернеет могильная,
Телом к земле прирасли
Тухнет радость обильная
За синим краем земли.

Змейкой гибкой дорожка бежит.
Белый дом в полудреме,
На столе под парчею невеста лежит
В старом сумрачном доме.

Луч косої потеряет в передней луна.
В белом доме гостит тишина.
Тень мелькнет у ворот вороного крыла.
Шум шагов в отдаленьи. Луна замерла.

Розы — капли крови
Вещей птицы Сирин.
Бес искусный силен —
Тысячи условий

И препятствий странных
Для влюбленных пар.
Розы — гейши слезы,
Что падут эмалью

Под густой вуалью.
Ожиданья грезы.
От теней обманных
Смокнувший пожар.

Все было мило! Мальчик нежный,
Вкушал я отрочества дни,
Улыбки солнца, ветер прибрежный
И шорох озерной волны.

Следил печальные уходы,
К зиме готовящийся стан
И лоно матери природы,
Кровавое от бурных ран.

Покой полей мне был покоем.
Суровым становился я.
Пугали ночи волчьим воем,
И льдом хрустела полынья.

Весны блистающие краски,
Кудрявость зеленой земли, —
Мне жизнь казалась лучше сказки,
И годы медленно текли.

Вдруг на шестнадцатой путине
Почуял я, что не один, —
Живет в моей святой пустыне
Пребеспокойный властелин.

Поутру вставши спозаранок,
Томим предчувствием глухим,
Следил за табором цыганок
И Пушкина твердил стихи.

Вдруг на беду пред самым спуском
С горы. Откинулась одна.
Во взгляде медленном и узком
Прочел я тайну сердца дна.

В тот миг пропала солнца радость,
Постиг я мрачных бездн провал,
И канула бесследно младость,
И встал девятый жизни вал.

Желтеет солнце. Синеют скалы.
Вином небесным шишат фиалы
Лесного бога. О! Пан великий!
Нет нимф. Русалок печальны лики

На юге лавров зеленых рощи,
На тундре ивы кустарник тощий.
На юге хмелен сок винограда,
Душа на тундре и клюкве рада.

По долам зеленым рой
Нимф и сатиров несетя.
Солнце село за горой.
На почевку, где придется.

Воздух страстью напоен.
Слышен всюду смех счастливый.
Где она, там есть и он.
Дремлет лишь кастрат ленивый.

Мраморен русалок рой,
Груди белые не дышат,
Мерной тешатся игрой,
Волны плещут выше, выше

Синегубки, змеегибки.
Черным водяным богам
Отдаются без улыбки
Против волн и по волнам.

То же солнце огневое да не то—
В ожерелье ледяное повито.
Та же страсть горь огневая да не та—
В сердце мертвое навеки заперта.

На опушке покинутой роши
Заклубился дымок от костра.
В небе ива, вершиной полощет.
Веет ветер. Беседа быстра!

Мы взволнованы оба признаньем,
Мы хотим очистительных гроз.
Мы, как жертвы, лежим, пред закланьем,
На траве, еще мокрой от рос.

Принесет ли навеки проклятье
Тот тревогой беременный день?
Или смерти нас стиснет объятье,
И покроет печальная тень?

В час гибели тайну раскроем.
Неба кровля прозрачно легка.
Над рекою полуночным роем
Умирающий лет мотылька.

КНИГИ СЕРГЕЯ СТРИБОЖИЧА

Рябины гроздя. Стихи. Вологда, 1916.

Сказины поминальные. Стихи. Вологда, 1916

Озимь. Стихи. Вологда, 1917.

Солнечный путь. Стихи. Вологда, 1919.

Береста. Стихи. Вологда, 1919.

Предгрозье. Стихи. Вологда, 1924.

Былая бойня. Стихи. Вологда, 1925.

Ивовая поросль. Стихи. Вологда, 1926,

Любовь и смерть. Стихи. Вологда, 1927.